

Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Синицына.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вослуживъ болѣе 40 лѣтъ сначала военнымъ врачомъ, потомъ—городскимъ и земскимъ, а послѣднія 12 лѣтъ—мировымъ судьей, я былъ свидѣтелемъ многихъ знаменательныхъ событій прошедшаго пятидесятилѣтія и реформъ, совершенныхъ послѣ 19 февраля 1861 года, а въ земской—принималъ дѣятельное участіе.

Теперь, выйдя въ отставку, я рѣшился собрать воедино свои воспоминанія, въ надеждѣ, что они могутъ послужить до нѣкоторой степени матеріаломъ для характеристики этой эпохи, хотя событія, описываемыя здѣсь, совершались, большею частью, въ тѣсномъ провинціальномъ кругу.

Большинство лицъ, о которыхъ здѣсь говорится, уже умерли, а оставшіеся въ живыхъ почти всѣ удалились отъ дѣлъ, но воспоминаніе о ихъ дѣятельности, можетъ быть, будетъ небезинтересно для современниковъ.

Въ началѣ записокъ я говорю о Медицинской Академіи и студенческомъ обществѣ, какимъ оно было 50 лѣтъ тому назадъ, затѣмъ описываю тогдашнее военное общество, дореформенное состояніе города, въ которомъ мнѣ больше всего пришлось жить и дѣйствовать и, наконецъ, введеніе реформъ: 19 февраля, земской и судебной.

Записки эти редактированы подъ мою диктовку, такъ какъ я около 3-хъ лѣтъ назадъ потерялъ зрѣніе, а потому заранее прошу простить мнѣ неизбѣжныя при этомъ неровности изложенія и другіе промахи; за фактическую же сторону того, что рассказываю, я ручаюсь.

Александръ Алексѣевичъ Синицынъ.

Г л а в а I.

(Императорская СПБ. Медико-Хирургическая Академія 1850—1855 г.г.)

Я поступилъ въ Академію осенью 1850 года. Въ 1898 году Академія праздновала свой 100-лѣтній юбилей. Я думаю, что ретроспективный взглядъ на то состояніе, въ какомъ она находилась 50 лѣтъ тому назадъ, будетъ небезинтересенъ.

Поступилъ я въ Академію не потому, чтобы имѣлъ какое-нибудь особое призваніе къ медицинѣ, а потому, во-первыхъ, что въ то время пріемъ на остальные факультеты былъ крайне ограниченъ, такъ какъ былъ положенъ штатъ студентовъ на всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго, въ 300 человекъ, а, во-вторыхъ, потому что не имѣлъ никакихъ средствъ къ жизни. Отецъ мой умеръ отъ холеры въ 1848 году, оставивъ кое-какія бѣдныя крохи на содержаніе семейства, состоявшаго кромѣ меня изъ сестры и двухъ малолѣтнихъ братьевъ. Въ Медицинскую же Академію я могъ надѣяться поступить въ число казеннокоштныхъ студентовъ, что равняется теперешнимъ стипендіатамъ.

Въ то время Академія не была особенно богата ни помѣщеніями, ни научными средствами. Главное ея зданіе, какъ и теперь, выходило на Неву. Посрединѣ его,—тамъ, гдѣ теперь—академическая бібліотека, внизу, былъ парадный входъ, а во второмъ этажѣ помѣщались аудиторіи: анатомическая, химическая и физическая съ принадлежащими къ нимъ кабинетами. Налѣво вверху помѣщалась академическая клиника внутреннихъ болѣзней съ 30-тью кроватями и одна аудиторія; вправо находились кабинеты: анатомическій, патолого-анатомическій и ботанический, а также одна аудиторія. Въ нижнемъ этажѣ влѣво находилась академическая хирургическая клиника съ аудиторіей, вправо зоологическій кабинетъ и нѣкоторыя другія помѣщенія. Съ правой стороны по Сампсоніевскому проспекту къ Академіи примыкало двухъ-этажное зданіе, гдѣ помѣщалась госпитальная хирургическая клиника Н. И. Пирогова. Слева къ главному флигелю примыкали: госпитальная терапевтическая клиника проф. Мяновскаго, а внизу акушерская и женская клиника проф. Киттера. Всѣ эти клиники были соединены съ главнымъ зданіемъ теплыми корридорами. Сзади этого зданія шелъ дворъ съ академическимъ садомъ. Между садомъ и главнымъ зданіемъ, выходившимъ на Неву, былъ анатомическій институтъ. Это было одноэтажное деревянное зданіе, раздѣленное на двѣ равныя половины. Въ одной

изъ нихъ была „святая святыхъ“, т. е. рабочій кабинетъ Н. И. Пирогова, гдѣ онъ въ то время вмѣстѣ съ В. Груберомъ, тогда еще прозекторомъ, составлялъ свой знаменитый атласъ, а въ другой студенты занимались препарированіемъ труповъ. Тутъ было 10 деревянныхъ столовъ, на которыхъ студенты препарировали. Надъ каждымъ изъ этихъ столовъ висѣли двѣ спиртовыя лампы, и къ каждому былъ проведенъ кранъ съ водой для его обмыванія и обмыванія труповъ. Никакихъ особыхъ приспособленій къ очищенію воздуха въ этой половинѣ не было.

Второе большое зданіе Академіи, сохранившееся и въ настоящее время и выходящее на Нижегородскую улицу, имѣетъ видъ двухъ параллелограммовъ, соединенныхъ между собой длиннымъ зданіемъ, въ которомъ помѣщалась такъ называемая лѣтняя конференція, академическая церковь и столовая для студентовъ. Въ боковыхъ зданіяхъ были номера для студентовъ, квартиры инспектора и четырехъ его помощниковъ, затѣмъ Правленіе Академіи и квартира профессора Прозорова, считавшагося врачомъ для студентовъ. Впослѣдствіи на открытомъ дворѣ этого зданія былъ поставленъ памятникъ баронету Вилліе, бывшему доктору Императора Александра I, оставившему по завѣщанію въ пользу Академіи милліонъ рублей. Къ этимъ зданіямъ съ разныхъ сторонъ примыкало нѣсколько флигелей, принадлежавшихъ 2-му сухопутному госпиталю.

Студентовъ въ Академіи было нѣсколько болѣе 500 человѣкъ. Они раздѣлялись на казеннокоштныхъ и своекоштныхъ, или вольнослушателей. Первые, которыхъ было болѣе 250 чел., соответствовали теперешнимъ стипендіатамъ. Они жили въ томъ зданіи, гдѣ лѣтняя конференція, въ нумерахъ по 4 человѣка, и пользовались полнымъ содержаніемъ и форменной одеждой отъ Академіи, за что обязаны были отслуживать въ войскахъ 10 лѣтъ.

Кромѣ нихъ было еще 25 стипендіатовъ Царства Польскаго, обязанныхъ также военной службою, которые жили въ одномъ зданіи съ казеннокоштными студентами. Своєкоштные студенты, или вольнослушатели были всѣ приходящіе и никакими пособіями отъ Академіи не пользовались. За слушаніе лекцій они платили по 15 рублей въ годъ.

Для поступленія въ Академію требовалось окончаніе гимназическаго курса или курса духовныхъ семинарій, хотя принимались лица, и не кончившія полного курса послѣднихъ. При вступленіи требовался экзаменъ изъ латинскаго языка, русскаго, одного изъ новѣйшихъ, изъ математики и физики, въ предѣлахъ гимназическаго курса, исторіи русской и всеобщей, русской литературы и З. Божія. Кромѣ того, требовалось сочиненіе на латинскомъ языкѣ

на заданную тему. Экзаменаторами были частью профессора Академіи, частью постороннія лица, по приглашенію Академіи. Въ годъ моего поступленія экзаменовали профессоръ химіи Зивинъ—изъ математики, проф. физики Измайловъ—по физикѣ, а по-латыни—лекторъ латинскаго языка Вальтеръ; онъ же экзаменовалъ и изъ новѣйшихъ. По остальнымъ предметамъ были посторонніе экзаменаторы, частью изъ профессоровъ университета. Экзамень былъ довольно строгъ, въ доказательство чего приведу тотъ фактъ, что изъ двухсотъ слишкомъ человѣкъ, подавшихъ прошеніе о зачисленіи въ казеннокоштные студенты, выдержало экзамень только 29 чел., остальные остались за бортомъ. Вольнослушателей поступило въ нашъ годъ 40 съ чѣмъ-то человѣкъ; изъ нихъ человѣкъ 5 поступили впоследствии въ казеннокоштные.

Латинское сочиненіе писалось въ Академіи. Для этого въ залѣ лѣтней конференціи за колоннами, находившимися въ противоположной сторонѣ отъ входа, ставились отдѣльные столы, за которыми помѣщалось по 2 чел. Каждому давалась отдѣльная тема и по два листа бумаги. Сочиненіе нужно было окончить и подать экзаменатору къ тремъ часамъ дня. Темы были, большею частью, историческія и отчасти философскія. Сочиненія эти приводили въ большое смущеніе экзаменуемыхъ, въ особенности гимназистовъ, которые въ то время не отличались хорошимъ знаніемъ латинскаго языка. Вообще при приѣмѣ отдавалось большее предпочтеніе семинаристамъ, считавшимся въ то время лучше подготовленными къ слушанію лекцій и обладавшимъ большимъ терпѣніемъ и выносливостью, столь необходимыми при изученіи такой обширной и трудной науки, какъ медицина.

Сочиненія эти такъ пугали многихъ, что немалое число экзаменуемыхъ прекращали экзамены и брали свои документы назадъ, такъ что къ концу экзаменовъ число экзаменуемыхъ значительно уменьшалось.

Экзамены продолжались около трехъ недѣль. Тотчасъ же по окончаніи экзаменовъ начиналось чтеніе лекцій.

Казеннокоштные студенты жили, какъ я уже сказалъ, въ Академіи на полномъ содержаніи по 4 чел. въ номерѣ. Спальныя комнаты были отдѣльныя, общія для цѣлаго курса. Въ каждомъ номерѣ было три большихъ стола и 2 шкафа,—одинъ для книгъ и бѣлья, другой для одежды.

Одежда была форменная, отличавшаяся отъ теперешней отсутствіемъ погонъ; вмѣсто параднаго полукафтана были мундиры старинной формы съ бѣлыми галунными петлицами. Головнымъ уборомъ служила трехуголка, въ фуражкахъ же позволялось ходить

только въ предѣлахъ Выборгской стороны, внѣ которой ношеніе ихъ строго преслѣдовалось. Въ 1853-мъ году трехуголки были замѣнены касками пѣхотнаго образца, на щитѣ которыхъ были буквы М. Х. А. Вольнослушатели могли носить обыкновенную штатскую форму, а потомъ для нихъ придумали особую форму, состоявшую изъ чернаго сюртука военнаго покроя безъ выпушекъ съ серебряными гладкими пуговицами и форменнаго образца черной фуражки, также безъ выпушекъ и съ тѣми же буквами М. Х. А. на околышѣ. Съ третьяго курса они пріобрѣтали право носить такую же форму, какъ и казеннокоштные студенты.

О внутренней жизни студентовъ мы скажемъ впоследствии.

Въ Академіи были слѣдующія каѳедры: 1-я каѳедра—описательной анатоміи, 2-я—физиологіи, 3-я—химіи неорганической и органической, 4-я—физики, 5-я—зоологіи, 6-я—ботаники, 7-я—геологіи и минералогіи, 8-я—фармакогнозіи съ рецептурой, 9-я—общей патологіи и общей терапіи, 10-я—частной патологіи и частной терапіи, 11-я—патологія хирургическихъ болѣзней, или, какъ тогда называлось, теоретической хирургіи съ глазами болѣзнями и ученіемъ о сифилисѣ, 12-я—фармакологіи, 13-я—акушерства и женскихъ болѣзней, 14-я—судебной медицины, 15-я—оперативной хирургіи съ топографической анатоміей и 16-я—патологической анатоміи. Клиникъ было 5: двѣ клиники внутреннихъ болѣзней, двѣ хирургическихъ и одна акушерская съ женскими болѣзнями. Такимъ образомъ, не было клиникъ: глазной, сифилитической, отдѣльной клиники для женскихъ болѣзней, сыпной, дѣтской и клиники душевныхъ болѣзней.

Описательную анатомію читалъ проф. Нарановичъ, по старому руководству *Петра Загорскаго*. Ученіе же о внутренностяхъ, или спланхнологію читалъ его прозекторъ Илинскій, впоследствии профессоръ патологической анатоміи, такъ какъ Нарановичъ не зналъ микроскопической анатоміи и поэтому не могъ читать о строеніи внутреннихъ органовъ.

Съ нашего курса было введено двухлѣтнее чтеніе анатоміи, и во второмъ курсѣ ученіе о нервной системѣ читалъ также Илинскій.

Лекціи Нарановича были довольно скучны, а иногда и не вполне ясны, особенно лекціи о шейной и тазовой областяхъ, но посѣщались аккуратно, такъ какъ онъ былъ строгъ на экзаменахъ; лекціи же Илинскаго, отличавшіяся полнотой, соотвѣтствовавшія вполне современному состоянію науки и при томъ изложенныя прекраснымъ языкомъ, постоянно привлекали большое число слушателей. Впоследствии онъ былъ профессоромъ патологической анатоміи сна-

чала въ Харьковѣ, а потомъ у насъ въ Академіи. Его можно считать основателемъ русской школы патологической анатоміи. Самымъ извѣстнымъ его ученикомъ былъ М. М. Рудневъ, бывший потомъ профессоромъ этой науки въ Медицинской Академіи и выпустившій изъ своего кабинета цѣлую плеяду молодыхъ ученыхъ.

Препарованіемъ студенты начинали заниматься со второго полугодія 1-го курса. Каждый студентъ долженъ былъ сдать 6 препаратовъ въ годъ, при чемъ рука и нога считались за одинъ препаратъ каждая,—области таза и шейная—за два. Занимались препарованіемъ, большею частью, по вечерамъ. За каждымъ столомъ занималось не менѣе двухъ человѣкъ одновременно. Хотя по правиламъ Академіи занятіе препарованіемъ должно было продолжаться до 4-го курса включительно, но большинство студентовъ бросали его уже съ третьяго курса, на что, впрочемъ, не обращалось особеннаго вниманія. Завѣдывавшій этимъ дѣломъ прозекторъ Шульцъ, человѣкъ довольно лѣнивый, принималъ отъ студентовъ препараты очень поверхностно и почти не экзаменовалъ на нихъ студентовъ.

Кромѣ того, для изученія анатоміи студентамъ двухъ первыхъ курсовъ выдавалось на каждый номеръ по ящику костей, а въ корридорахъ, гдѣ были номера, вывѣшивались большія таблицы съ обозначеніемъ мускуловъ, сосудовъ и нервовъ.

Физиологію читалъ проф. А. П. Загорскій. Онъ, вѣроятно, былъ знакомъ съ современнымъ состояніемъ физиологіи, какъ то можно было судить по сравненію его лекцій съ бывшими тогда въ ходу учебниками Валентина и Эгле, но читалъ ее теоретически, безъ демонстрацій и опытовъ. Слушали его не безъ удовольствія, такъ какъ онъ былъ хорошій лекторъ.

Профессоромъ химіи былъ тогда К. Н. Зининъ. Это была научная звѣзда первой величины, и онъ вмѣстѣ съ Н. И. Пироговымъ составлялъ красу и славу Академіи. Человѣкъ съ громадной эрудиціей по всѣмъ отраслямъ естествознанія, съ громаднымъ философскимъ умомъ, увлекательный лекторъ, всегда веселый и остроумный, онъ считался лучшимъ изъ профессоровъ. Онъ сдѣлалъ много открытій по своей наукѣ, свѣдѣнія о которыхъ помѣщались, большею частью, въ иностранныхъ журналахъ и въ „Comptes rendus de l'Académie des sciences de St.-Petersbourg“ (русскихъ ученыхъ журналовъ тогда не было). Мастерство его изложенія было такъ велико, что когда, по выходѣ въ отставку профессора Эйхвальда, ему было поручено чтеніе минералогіи, то онъ излагалъ эту скучную науку такъ увлекательно и живо, что лекціи его собирали студентовъ со всѣхъ курсовъ, тогда какъ на лекціяхъ Эйхвальда бывало не болѣе десятка слушателей. Лекціи Зинина по

химіи посѣщались даже посторонними лицами. Такъ, я встрѣчалъ на нихъ покойнаго профессора Энгельгардта, бывшаго тогда артиллерійскимъ офицеромъ, а впослѣдствіи получившаго извѣстность, какъ сельскій хозяинъ, артиллериста Шишкова, впослѣдствіи извѣстнаго химика, покойнаго Н. А. Вышнеградскаго и другихъ.

Но по тѣснотѣ химической лабораторіи и бѣдности ея средствъ мало студентовъ могло заниматься ею практически, поэтому Зининъ оставилъ мало преемниковъ. Тѣмъ не менѣе, на его памятникѣ, по справедливости, написано: „Отцу русской химіи“.

Онъ ходилъ на лекціи всегда въ пиджакъ, перепачканномъ пятнами отъ всевозможныхъ химическихъ реактивовъ. Однажды посѣтилъ Академію бывший тогда военный министръ князь Чернышевъ. Инспекторъ Академіи, зная привычки Зимины, послалъ одного изъ субъ-инспекторовъ предупредить его объ этомъ. Субъ-инспекторъ шепнулъ Зинину, что не мѣшало бы надѣть фракъ, но тотъ, не обращая на это никакого вниманія, продолжалъ чтеніе. Когда въ аудиторію вошелъ Чернышевъ, онъ, не прерывая лекціи, слегка поклонился послѣднему и продолжалъ дѣлать какіе-то опыты. По окончаніи лекціи Чернышевъ самъ подошелъ къ Зинину и выразилъ ему сожалѣніе, что онъ, по старости лѣтъ, не можетъ быть постояннымъ его слушателемъ: „Ничего-съ“, отвѣчалъ Зининъ: „хорошему можно учиться и на старости лѣтъ“.

На экзаменахъ онъ былъ довольно строгъ, но спасеніемъ для плохо знающихъ химію былъ извѣстный Ю. К. Траппъ, о которомъ мы скажемъ впослѣдствіи подробнѣе. Къ нему ютились всѣ слабые въ наукѣ, такъ что иногда случалось, что возлѣ стола Зимины не было ни одного студента, а около Траппа—человѣка 4 или 5. Тогда Зининъ, замѣтивъ это, подходилъ къ столу послѣдняго и забиралъ кого-нибудь оттуда къ себѣ. Нужно было видѣть лицо этого несчастнаго, съ какимъ онъ подходилъ къ Зинину. Впрочемъ Зининъ окончательно никого не проваливалъ на экзаменѣ, а давалъ передержку послѣ кавикуль.

Вообще это былъ любимѣйшій и многоуважаемый профессоръ.

Физику читалъ профессоръ Измайловъ. Читалъ онъ ее вяло, лѣнливо, почти безъ опытовъ, хотя физическій кабинетъ, по тогдашнему состоянію науки, былъ довольно удовлетворителенъ. Лекціи его посѣщались студентами очень мало, тѣмъ болѣе, что онъ былъ очень снисходителенъ на экзаменахъ.

Профессоръ зоологіи Эйхвальдъ былъ типичный нѣмецъ. Онъ ходилъ всегда въ бѣломъ галстукѣ съ какимъ-то орденомъ на шеѣ; являлся на лекціи аккуратно—минута въ минуту и такъ же аккуратно кончалъ ихъ. Лекціи его были скучны, но, такъ какъ онъ начиналъ

чтеніе съ низшихъ животныхъ и первый познакомилъ насъ съ микроскопомъ, что въ то время было большою рѣдкостью, то онѣ посѣщались довольно охотно.

Зоологію онъ читалъ по-латыни. Онъ же читалъ геологію и минералогію, послѣднія по-русски. Его курсъ геологіи считался въ то время образцовымъ. Онъ былъ послѣдователемъ Кювье, какъ почти всѣ геологи тогдашняго времени. Читалъ онъ у насъ только до Рождества. Претендентами на его каѳедру явились двое: академикъ Брандтъ и С. Куторга, считавшійся лучшимъ изъ профессоровъ Университета. Многіе изъ насъ слушали его публичныя лекціи, читанныя, если не ошибаюсь, въ Думской залѣ, и всѣ мы очень желали, чтобы онъ былъ назначенъ къ намъ. Но, къ сожалѣнію, нѣмецкая партія взяла верхъ, и профессоромъ былъ назначенъ Брандтъ. Это былъ человекъ, безъ сомнѣнія, очень ученый, но совершенно лишенный профессорскихъ качествъ. Его маленькая, толстенькая фигурка, нѣмецкое произношеніе, какъ-то нараспѣвъ, употребленіе буквы j вмѣсто г и другія странности нерѣдко вызывали у студентовъ улыбку. На лекціи къ нему ходило очень мало. Въ сущности онъ былъ благоразумнѣйшій и добрѣйшій изъ профессоровъ, и мы его любили, но нисколько не боялись. На экзаменахъ онъ былъ очень снисходителенъ и всегда ставилъ переходные баллы, приговаривая съ какой-то добродушной отеческой улыбкой: „Ну, ви, хотя зоологіи и не знаете, но, битъ можетъ, будете хорошимъ врачомъ. Это биваетъ, а иногда и не биваетъ“.

Ботанику читалъ Л. И. Вейссъ, бездарнѣйшій изъ всѣхъ профессоровъ. Какъ онъ добился званія адъюнктъ-профессора, трудно себѣ и представить. На лекціи къ нему ходило не болѣе 5-ти, 6-ти человекъ и, дѣйствительно, нужно было имѣть особую страсть къ ботаникѣ, чтобы спокойно его слушать. Съ нимъ были разные курьезы. Такъ, напр., читалъ онъ временно фармакологию. Читалъ онъ ее по русскому переводу Зобернгейма. Однажды среди общаго молчанія раздается такая фраза: „Если бы не было опиума, то врачи не знали бы, какъ его употреблять“. Оказывается, что у Зобернгейма было приведено мнѣніе одного хирурга, что, если бы не было опиума, то онъ не рѣшился бы дѣлать операцій. Первая половина этой фразы была напечатана на концѣ страницы, и Вейссъ, перевернувъ два листа заразъ, на первой строкѣ наткнулся на фразу: „еще врачи не умѣли употреблять его“. Разсердившись на смѣхъ студентовъ, онъ соскочилъ съ каѳедры и пресерьезно началъ обвинять насъ въ пренебреженіи къ старшимъ. Смѣхъ студентовъ не прекращался; тогда Вейссъ швырнулъ въ насъ злополучной книгой и величаво удалился изъ аудиторіи. Передъ окончательными экза-

менами второго курса кто-то нарисовалъ углемъ его портретъ въ дурачкомъ колпакѣ на стѣнѣ его кабинета. Вейссъ страшно взбѣсился, грозилъ никого изъ насъ не пропустить на экзаменѣ, подкупилъ всѣхъ служителей, чтобы отыскать „художника“, но, не добившись этого, пожаловался на весь курсъ президенту Пеликану. Тотъ преспокойно отвѣчалъ Вейссу, что онъ самъ виноватъ, не объяснивъ, впрочемъ, въ чемъ. Тогда Вейссъ объявилъ намъ на лекціи, что будетъ экзаменовать по своимъ билетамъ. Дѣло становилось серьезнымъ: приходилось садиться за ботанику и изучать всѣ 150 билетовъ. Обыкновенно, профессора, составивъ конспектъ, поручали писанье билетовъ кому-нибудь изъ студентовъ. По нѣкоторымъ предметамъ, въ томъ числѣ по ботаникѣ, билеты дѣлились на 4 или на 6 группъ, и каждый изъ студентовъ приготавливалъ къ экзамену только четвертую или шестую часть билетовъ этой науки. Билеты эти писались съ разными тонкими отличіями для каждой группы, и зоркій глазъ студента быстро находилъ билетъ своего отдѣла. Когда Вейссъ явился на экзаменъ и положилъ на столъ свои билеты, одинъ изъ студентовъ Аш... подошелъ къ столу и, быстро снявъ билеты Вейсса, замѣнилъ ихъ своими, приготовленными по всѣмъ правиламъ искусства. Вейссъ взбѣсился и хотѣлъ послать за инспекторомъ. Въ это время вошелъ въ аудиторію бывший на этомъ экзаменѣ ассистентомъ Зининъ и, узнавъ, въ чемъ дѣло, сказалъ Вейссу: „Стыдись, братецъ, вмѣшивать полицію въ отношенія между учеными людьми. Что за бѣда,—экзаменуй по ихъ билетамъ“. Сначала Вейссъ упирался, не соглашался, но, когда Зининъ пригрозилъ ему, что будетъ самъ экзаменовать, ловко намекнувъ, что и самъ Вейссъ небольшой знатокъ ботаники, послѣдній смирился, и экзаменъ прошелъ благополучно. Тѣмъ и кончились наши отношенія къ ботаникѣ.

Изъ профессоровъ чисто медицинскихъ наукъ, не считая Н. И. Пирогова, который былъ внѣ общаго сравненія, самымъ замѣчательнымъ былъ профессоръ частной патологіи и терапіи В. Е. Эккъ. Онъ былъ превосходный знатокъ своей науки, которую излагалъ съ такой точностью, ясностью и образностью, что, слушая описанія патологическихъ измѣненій при разныхъ болѣзняхъ, слушатель какъ бы видѣлъ передъ собой описываемый предметъ. Симптоматологію болѣзней онъ излагалъ такъ наглядно, какъ будто вы видите самого больного. Все, что мы узнали по частной патологіи, узнали мы отъ него и изъ лекцій, читанныхъ Н. И. Пироговымъ при вскрытіи труповъ. Хотя у насъ и былъ тогда профессоръ патологической анатоміи, какой-то Маркузенъ, но это была такая сумбурная голова, что изъ его лекцій никто ничего не выносилъ, да и самъ онъ вскорѣ куда-то исчезъ.

Превосходныя же лекціи Н. И. Пирогова, читанныя имъ при вскрытіи труповъ съ микроскопическими демонстраціями, были, болѣе или менѣе, случайныя и касались не всѣхъ болѣзней, смотря по бывшимъ въ клиникѣ случаямъ; общаго же курса онъ не читалъ. Такъ, на 3-мъ курсѣ онъ прочелъ намъ нѣсколько превосходныхъ лекцій по брюшному тифу, нѣсколько лекцій о туберкулезѣ, о холерѣ, затѣмъ нѣсколько лекцій о крупозномъ воспаленіи легкихъ и нѣсколько—о гнойномъ зараженіи, составлявшемъ тогда истинный бичъ хирургическихъ палатъ. О другихъ болѣзняхъ онъ читать не могъ, потому что не было соответствующихъ случаевъ. Обыкновенно на одной лекціи дѣлалось вскрытіе и производилось описаніе *макроскопическихъ* измѣненій, а къ слѣдующей лекціи приготавливались *микроскопическіе* препараты, которые и демонстрировались самимъ профессоромъ на двухъ, бывшихъ въ его распоряженіи микроскопахъ. Кромѣ того онъ показывалъ намъ микроскопическіе препараты оперированныхъ имъ, разнаго рода опухолей. О высокомъ научномъ значеніи этихъ лекцій нечего и говорить. Еще раньше нашего окончанія курса Пироговъ оставилъ кафедру и уѣхалъ въ 1854 году въ Севастополь, такъ что клиническихъ лекцій его я не слышалъ.

Онъ первый изъ нашихъ клиницистовъ ввелъ употребленіе русскаго языка въ своей клиникѣ. До него исторіи болѣзней писались по-латыни. Въ другихъ клиникахъ латинскій языкъ употреблялся еще нѣсколько лѣтъ.

Общую патологію, діагностическую и общую терапію читалъ проф. Здекауэръ. Общая патологія въ то время не основывалась на опытныхъ изслѣдованіяхъ, и очень часто для объясненія патологическихъ процессовъ прибѣгали къ разнаго рода гипотезамъ, чисто теоретическимъ и противорѣчивымъ. Хотя Здекауэръ читалъ ее, для тогдашняго времени, довольно хорошо, но слушали его неохотно. Онъ часто прибѣгалъ къ такимъ туманнымъ объясненіямъ, что многіе его вовсе не понимали. Нѣкоторые отдѣлы, какъ, напр., вопросъ о гнойномъ зараженіи, излагался очень сбивчиво, такъ какъ, по тогдашнему состоянію науки, въ немъ было много нерѣшеннаго и запутаннаго. Но діагностику Здекауэръ преподавалъ превосходно. Лекціи его читались въ терапевтическомъ отдѣленіи госпиталя на больныхъ, которыхъ передъ нами разбиралъ профессоръ и показывалъ почти каждому студенту всѣ тонкости выслушиванія и постукиванія, такъ что этотъ отдѣлъ діагностики почти всѣ студенты знали хорошо. Патологію хирургическихъ болѣзней, или, какъ тогда называли, теоретическую хирургию читалъ П. П. Заблоцкій-Десятовскій. Онъ же читалъ ученіе о глазныхъ болѣзняхъ, о сифилисѣ

и о болѣзняхъ половыхъ органовъ. Столь обширная и разнообразная программа, даже при тогдашнемъ состояніи науки, едва-ли была по силамъ одному человѣку. Лекціи Заблоцкаго по глазнымъ болѣзнямъ были очень кратки, хотя изложены довольно систематически. Глазной клиники тогда не было, и ученіе о глазныхъ болѣзняхъ ограничивалось изученіемъ болѣзни вѣкъ, соединительной и роговой оболочекъ и радужной оболочки,—однимъ словомъ, того, что было видимо простымъ глазомъ. Остальныя болѣзни мы знали только по имени. Правда, когда мы были на 5-мъ курсѣ, докторъ Кабать, тогдашній придворный окулистъ, прочелъ намъ нѣсколько лекцій, показалъ офтальмоскопъ и демонстрировалъ человѣкъ пять или шесть больныхъ.

Всего лучше читалъ Заблоцкій о сифилисѣ, по которому онъ считался въ то время специалистомъ, и о болѣзняхъ мочевыхъ и половыхъ органовъ. Его книга „О болѣзняхъ яичка и т. д.“ была удостоена Академіей Наукъ Демидовской преміи.

По сифилису онъ прочелъ намъ нѣсколько лекцій на больныхъ въ гошпиталѣ. Замѣчательно то, что онъ, будучи хирургомъ по специальности, лѣтъ 10 читалъ судебную медицину, за неимѣніемъ свободной хирургической кафедръ. Подобное явленіе повторялось въ то время нерѣдко. Такъ, преемникъ его по кафедрѣ судебной медицины Е. В. Пеликанъ сначала былъ адъюнктомъ по кафедрѣ женскихъ болѣзней.

Изъ остальныхъ медицинскихъ профессоровъ слѣдуетъ упомянуть о Е. В. Пеликанѣ, который съ 1853 года началъ преподавать въ Академіи судебную медицину. Онъ зналъ науку прекрасно въ ея современномъ состояніи и въ то же время былъ прекрасный лекторъ. Кромѣ того онъ дѣлалъ судебно-медицинскія вскрытія. Это былъ одинъ изъ предшественниковъ того новаго научнаго направленія, которое началось въ Академіи въ концѣ 50-хъ годовъ и поставило ее такъ высоко въ научномъ отношеніи.

Въ 1854 году пріѣхалъ изъ-за границы молодой ученый Якубовичъ и началъ преподавать намъ гистологию съ микроскопическими демонстраціями. Его лекціи познакомили насъ съ современнымъ состояніемъ гистологіи, которая до этого времени почти не читалась въ Академіи.

Остальные профессора, за исключеніемъ адъюнктъ-профессора Неммерта, представляли изъ себя самыя заурядныя посредственности и отличались рутинностью и отсталостью отъ науки.

Неммертъ былъ чрезвычайно даровитый и высоко образованный хирургъ, вполне знакомый съ современнымъ состояніемъ науки. Онъ состоялъ адъюнктомъ на кафедрѣ оперативной хирургіи, кото-

рую занималъ тогда Рклицкій, старый рутинеръ, учившій только производству ампутацій, экзартикуляцій и перевязки сосудовъ, — дальше этого онъ не шелъ, да и то читалъ безъ описаній различныхъ методовъ операцій, безъ критическаго разбора ихъ и безъ показаній. Его лекціи мы пополнили потомъ чтеніемъ вышедшаго тогда въ русскомъ переводѣ превосходнаго руководства по хирургіи французскаго профессора Мальгэня.

Немертъ читалъ намъ только ученіе о переломахъ и вывихахъ съ демонстраціями на трупахъ и о повязкахъ, которыя въ то время были чрезвычайно разнообразны, а иногда и очень сложны; каждую повязку онъ показывалъ сначала на фантомѣ, потомъ на комъ-нибудь изъ студентовъ и заставлялъ одного или двухъ изъ нихъ повторить повязку тутъ же. По отъѣздѣ Пирогова въ Крымъ, ему было поручено завѣдываніе Пироговской клиникой; и тутъ онъ превосходно велъ дѣло и, насколько могъ, старался улучшить гигиеническія условія клиники. Передъ каждой операціей, при разборѣ даннаго случая, онъ разъяснялъ различные способы ея производства, обсуждалъ приложимость или неприложимость ихъ къ данному случаю и только послѣ строгаго критическаго разбора приступалъ къ операціи.

Техникъ онъ былъ превосходный и въ клиническомъ отношеніи могъ вполне замѣнить Ник. Ив. Пирогова. Къ сожалѣнію, онъ жилъ недолго и умеръ черезъ нѣсколько лѣтъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ и таланта.

Говоря о профессорскомъ персоналѣ, нельзя не упомянуть о незабвенномъ Ю. К. Трапцѣ. Хотя онъ въ наше время ничего не читалъ, состоя прозекторомъ при кафедрѣ фармаціи, но принималъ самое живое участіе въ жизни и дѣятельности студентовъ. Онъ помогалъ каждому обращающемуся къ нему совѣтомъ, руководствомъ, а иногда и деньгами, ссужая нуждающихся небольшими суммами, которыя не всегда возвращались ему. Его красивая, привѣтливая фигура всегда съ удовольствіемъ встрѣчалась студентами, тѣмъ болѣе, что онъ съ каждымъ говорилъ на его родномъ языкѣ. Впослѣдствіи онъ долго былъ профессоромъ фармаціи, и много поколѣній студентовъ прошло мимо него, сохранивъ самую благодарную о немъ память.

Вообще отношенія между профессорами и студентами были хороши и добродушны. Профессора смотрѣли на насъ, студентовъ, какъ на свою близкую семью, безъ всякой національной розни или какихъ-нибудь другихъ внѣ-научныхъ соображеній. И теперь, наклонѣ лѣтъ, я съ благодарностью вспоминаю о нихъ и о своей „Alma Mater“, гдѣ мы почерпнули въ то глухое время идеаль благородства и челоѣчности.

Клиническое преподаваніе въ Академіи было поставлено довольно слабо, за исключеніемъ клиники Пирогова. Профессора двухъ терапевтическихъ клиникъ Мянвскій и Шипулинскій, особенно первый, были люди устарѣлые и не стоявшіе на высотѣ современной науки; Шипулинскій обучалъ насъ, по крайней мѣрѣ, выслушиванію и постукиванію. Этимъ и кончалось клиническое изслѣдованіе; никакихъ другихъ способовъ не употреблялось.

Термометръ не былъ еще въ употребленіи, и температура больныхъ опредѣлялась на ощупь. Въ мочѣ обращали вниманіе только на цвѣтъ и присутствіе или отсутствіе въ ней осадковъ, но изъ чего они состояли — объ этомъ никто не думалъ. Вообще никакихъ химическихъ или микроскопическихъ изслѣдованій выдѣленій больного не дѣлалось, да и самихъ микроскоповъ въ Академіи было очень мало: не болѣе 6—7 штукъ. Они были только въ рукахъ профессоровъ, такъ что мы, студенты, не занимались самостоятельно микроскопическими работами. Проф. гистологіи Якубовичъ старался познакомить насъ съ микроскопической техникой, но такъ какъ у него былъ только одинъ микроскопъ, то и работать студентамъ не приходилось. Къ тому же микроскопы были тогда очень дороги.

Въ хирургической клиникѣ проф. Рклицкаго дѣло велось рутинно, операцій дѣлалось мало. Кромѣ одной или двухъ литотомій и нѣсколькихъ ампутацій—мы ничего не видали.

Акушерская клиника, которой завѣдывалъ тогда проф. Киттеръ, имѣла только 15 или 20 кроватей, а потому и родовъ мы видѣли мало. Узнавъ о принятіи въ клинику роженицы, желающіе видѣть роды платили обыкновенно сидѣлкѣ 15 или 20 коп., чтобы она извѣщала насъ о началѣ родовъ. Но такъ какъ роды происходятъ, большею частью, ночью, а домъ, гдѣ мы жили, отстоялъ довольно далеко отъ клиники, то рѣдко приходилось попадать на нихъ въ время. Мнѣ, напр., пришлось провести только одни роды у больной, у которой я былъ кураторомъ; роды были нормальные и прошли безъ всякихъ инцидентовъ. Акушерскія операціи, какъ наложеніе щипцовъ, повороты и др. профессоръ показывалъ намъ на фантомѣ, но каждый пойметъ, какъ этого было мало для ознакомленія насъ съ акушерствомъ. Въ той же клиникѣ принимались и больныя женскими болѣзнями, но ихъ было такъ мало, что рѣдко кто изъ студентовъ видѣлъ ихъ. Вообще наши познанія въ акушерствѣ были такъ ограниченны, что когда, черезъ годъ или полтора по окончаніи курса, я въ маленькомъ уѣздномъ городѣ былъ въ первый разъ приглашенъ къ родильницѣ первородящей, то рѣшительно не зналъ, какъ къ ней приступить. Къ счастью, роды были нормальны, хотя

немного затянулись, такъ что все кончилось благополучно, и я вышелъ съ честью.

Въ клиникѣ Пирогова, которою тогда уже завѣдывалъ проф. Немертъ, мы видѣли нѣсколько операцій вырѣзыванія разнаго рода опухолей, двѣ или три ампутаціи и одну частную резекцію большеберцовой кости. Это была, кажется, первая резекція, произведенная въ Академіи. Вообще резекціи тогда начали только входить въ употребленіе и производились очень рѣдко.

Всѣ вообще клиники имѣли много неудобствъ: они были тѣсны, клиники Рклицкаго и Киттера имѣли мало свѣта, часть коекъ были деревянные, приспособленія къ вентиляціи были самыя первобытныя: простыя форточки, которыя зимой не всегда удобно было открывать, и кое-гдѣ простыя вентиляторы—въ печахъ. Каминны были только въ клиникѣ Пирогова. Во всѣхъ клиникахъ воздухъ былъ очень неудовлетворителенъ, особенно въ клиникѣ Пирогова, куда направлялись наиболѣе трудно-больные съ большими нагноеніями и гангренозные (дифтеритъ, ракъ и госпитальная гангрена составляли тогда очень частое явленіе).

По свидѣтельству самого Николая Ивановича, во всѣ 15 лѣтъ, что онъ завѣдывалъ кликой, онъ постоянно страдалъ поносами которые онъ прямо приписывалъ дѣйствию клиническихъ міазмъ, такъ какъ стояло ему только выѣхать изъ Петербурга и не посѣщать клиники въ теченіе одной или 2-хъ недѣль, поносы его прекращались и возстановлялось правильное пищевареніе.

Бѣлье въ клиникахъ было плохое и въ недостаточномъ количествѣ; для перевязки ранъ употреблялась только одна корпія, которая не всегда была чиста и пригодна, пища для больныхъ—не всегда удовлетворительна. Какъ ни боролись противъ этого завѣдывавшіе кликой профессора и, особенно, Пироговъ,—трудно было что-нибудь сдѣлать, такъ какъ хозяйство находилось въ рукахъ госпитальныхъ интендантскихъ чиновниковъ.

Въ январѣ 1855 года приказано было, по случаю Севастопольской кампаніи, произвести намъ экзамены и сдѣлать усиленный выпускъ, такъ что на 5-мъ курсѣ мы провели только одно полугодіе. Въ первыхъ числахъ марта экзамены кончились, и всѣ казеннокоштные студенты были отправлены частью въ дѣйствующую армію, частью—на Кавказъ. Не великъ былъ запасъ знаній, съ которымъ мы вступили въ жизнь. Всего лучше знали мы частную терапію, благодаря превосходнымъ лекціямъ проф. Экка; нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и я, занимались болѣе спеціально хирургіей; о гигиенѣ же и особенно военной, мы не имѣли почти никакого понятія, да и сама наука была тогда, такъ сказать, въ

зачаточномъ состояніи, что составляло большой пробѣлъ, особенно для насъ, будущихъ военныхъ врачей. Объ уходѣ за ранеными мы слышали одну или двѣ лекціи проф. Неммерта. Впрочемъ, и самый уходъ за ранеными, какъ я скажу впоследствии, былъ обставленъ довольно примитивно.

При полученіи дипломовъ, каждый изъ насъ былъ снабженъ на казенный счетъ, такъ называемымъ лѣкарскимъ наборомъ и маленькой книжкой объ уходѣ за больными и ранеными. Это былъ переводъ сочиненія какого-то нѣмецкаго врача.

Сообщ. Н. Д. Романовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

